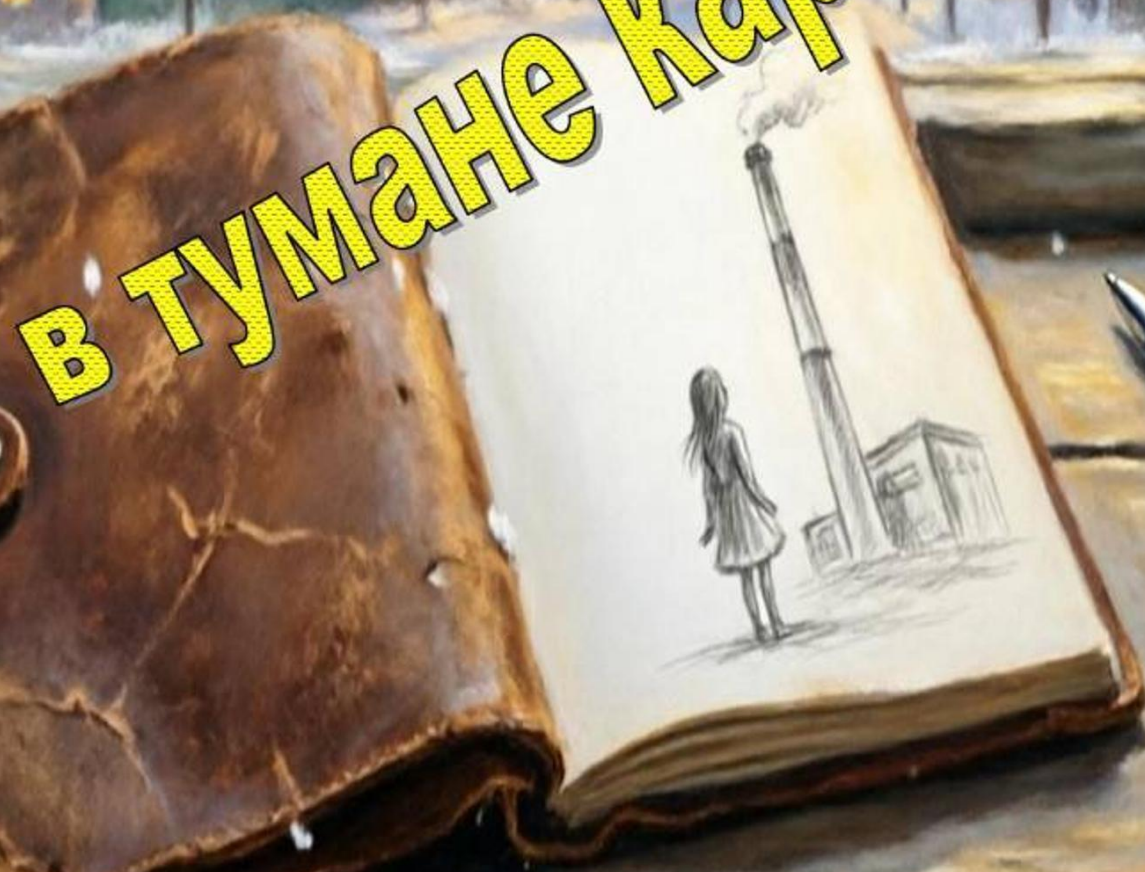

Александр Гарцев

Силуэт
в тумане карьеры

18+

Александр Гарцев

Силуэт в тумане карьеры

«Автор»

2026

Гарцев А.

Силуэт в тумане карьеры / А. Гарцев — «Автор», 2026

Это роман о том, как человек учится быть собой. И о том, как больно и трудно приходится тем, кто не хочет играть по чужим правилам. 1973 год. СССР, провинциальный город на берегу реки. Сашка только что вернулся из армии. Он работает электриком на заводе, паяет схемы, пишет стихи в блокнот, мечтает стать писателем и боится признаться в любви красивой медсестре Гале. Но жизнь — она не ждет, когда ты будешь готов. Жизнь заставляет выбирать. Это роман не о героях. Это роман о людях — живых, запутанных, ошибающихся, ищущих. О тех, кто в семидесятых годах прошлого века был молодым, смелым, наивным и бесконечно живым. О тех, кто верил в коммунизм, читал Солженицына, танцевал шейк под Джеймса Брауна, паял схемы в душных мастерских и мечтал о любви, которая спасет мир. Это роман о времени, которое ушло, но оставило в каждом из нас неизгладимый след. Это книга для тех, кто помнит свои двадцать лет. И для тех, кому еще только предстоит их прожить.

© Гарцев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Пятнадцатое августа	7
Глава 2. Кировский цирк и Витькины глаза	10
Глава 3. Три взгляда	13
Глава 4. Утро в поселке и Лановой	16
Глава 5. Стихи и ревность	20
Глава 6. Волейбол и ожидание	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Александр Гарцев

Силуэт в тумане карьеры

От автора

"Мы не переживаем события, мы переживаем способ, которым они на нас отражаются" — эту фразу я прочитал когда-то у Андре Моруа, и она долго жила во мне, как заноза, пока наконец не стала осью, вокруг которой вращается все, что я думаю о жизни.

Мы живем не в мире событий. Мы живем в мире их отражений. Событие само по себе — лишь голый факт, скелет без плоти. Но то, как оно отзывается в нас, как оно преломляется сквозь нашу память, наши страхи, наши надежды — вот где настоящая жизнь. И чем старше я становлюсь, тем яснее понимаю: мы собираем свою жизнь из осколков. Как мозаику. Как витраж.

В детстве я думал, что взрослые знают все. Что у них есть ответы на все вопросы. Теперь, глядя на себя в зеркало и видя в нем того мальчишку, который бегал по двору с палкой, воображая себя солдатом, я улыбаюсь своей наивности. Взрослые не знают ничего. Они просто лучше умеют притворяться, что знают. Или, как говорил Монтень, "самая большая вещь в мире — это уметь принадлежать себе". А мы — никто из нас — так и не научился этому до конца.

Детство — оно ведь не уходит. Оно остается внутри нас, как подвал старого дома, куда мы иногда спускаемся, когда наверху слишком шумно. Там, в этом подвале, хранятся запахи — мокрой земли после дождя, нагретого солнцем асфальта, хлеба из пекарни за углом. Там живут голоса — мамы, зовущей с балкона, друзей, смеющихся в дровяниках, первый шепот влюбленности, который ты боишься произнести вслух. Мы носим это в себе всю жизнь, и это — наша настоящая опора.

Есть такая мысль у Сенеки: "Не в том счастье, чтобы жить долго, а в том, чтобы хорошо жить". Но что значит "хорошо"? Я долго искал ответ на этот вопрос. В работе. В любви. В дружбе. В командировках, когда за окном поезда мелькают города, а ты сидишь и думаешь о том, что осталось позади.

Может быть, "хорошо" — это когда ты не боишься быть честным. Когда ты можешь сказать себе: "Я не знаю. Я ошибаюсь. Я боюсь". Когда ты перестаешь играть роль — хорошего комсомольца, правильного товароведа, верного друга — и просто позволяешь себе быть собой. Со всеми своими трещинами. Со всеми своими осколками.

Камю писал: "В глубине зимы я понял, что во мне живет неистребимое лето". Я люблю эту фразу. Потому что она о том, что даже в самые темные времена внутри нас есть что-то, что не гаснет. Даже когда кажется, что все потеряно, что любовь ушла, друзья стали чужими, работа превратилась в рутину — внутри все равно остается тот свет, который мы зажгли когда-то в детстве. И главное — не дать ему погаснуть.

Мне часто задают вопрос: "О чем ты жалеешь?" О том, что не сказал Гальке о любви? О том, что выбрал работу вместо театра? О том, что позволил себе стать взрослым слишком рано?

Я не жалею. Я научился не жалеть. Потому что, как говорил Ницше, "что не убивает меня, делает меня сильнее". Каждое мое решение, каждая ошибка, каждый пропущенный шанс — все это сделало меня тем, кто я есть. И если бы я мог вернуться назад и что-то изменить, я бы не стал. Потому что тогда бы не было этого текста. Этой мозаики. Этого меня.

Я жалею только об одном — что слишком долго боялся быть живым. Слишком долго прятался за ролями, за словами, за тем, что "надо". Слишком долго думал, что если я буду

правильным, меня будут любить. Но любовь не покупается правильностью. Она рождается из честности. Из смелости быть настоящим, даже если это страшно.

Юность — это время, когда мы ищем себя. Когда мы пробуем разные маски, разные роли, разные жизни. Мы влюбляемся, чтобы понять, что такое любовь. Мы теряем друзей, чтобы понять цену дружбы. Мы ошибаемся, чтобы научиться прощать. Мы убегаем, чтобы научиться возвращаться.

Сейчас, с высоты прожитых лет, я вижу, что юность — это не глупость. Это — смелость. Смелость пробовать, рисковать, падать и вставать. Смелость искать свой путь, даже когда кажется, что его нет. И я благодарен своей юности — за ее наивность, за ее боль, за ее надежды. За то, что она была. За то, что она сделала меня тем, кто я есть.

Есть такая мысль у Толстого: "Человек не может знать, что такое хорошо и что такое плохо, пока он не попробует и то и другое". Я пробовал. И хорошее, и плохое. И понял, что граница между ними — размытая. Что одно часто переходит в другое. Что в самом темном дне может быть свет, а в самом светлом — тень.

Я научился не судить. Не делить мир на черное и белое, на правильное и неправильное, на хорошее и плохое. Я научился видеть сложность. И в этом — моя свобода.

Так кто же я теперь? Тот, кто умеет решать проблемы? Или тот, кто потерял себя? Может быть, я — просто человек, который идет по жизни, собирая осколки и складывая их в мозаику. И каждый осколок — это кто-то, кого я любил, что-то, что я потерял, где-то, где я был, и что-то, что я понял.

Я не знаю, есть ли у этой мозаики конец. Может быть, она будет расти всю жизнь. Может быть, она никогда не будет завершена. Но я знаю одно: пока я собираю ее, я живу. Пока я пишу, я дышу. Пока я помню — я существую.

И я хочу, чтобы эта мозаика была честной. Чтобы в ней было место и для боли, и для радости. Для тоски и для смеха. Для прошлого и для будущего. Для всего, что делает нас живыми.

"Мы должны попытаться понять, почему мир создан так, что мы должны страдать" — писал Достоевский. Я не знаю ответа на этот вопрос. Но я знаю, что страдание — это тоже часть мозаики. Оно делает нас глубже. Оно учит нас состраданию. Оно напоминает нам, что мы живы.

И когда я сижу здесь, в этой комнате, и пишу эти строки, я чувствую, что жизнь — это не то, что происходит с нами. Это то, что мы делаем с тем, что происходит. Это способ, которым мы собираем осколки. Это искусство быть.

И я все еще учусь этому искусству. Каждый день. Каждую минуту. Каждый раз, когда открываю блокнот и начинаю писать.

Спасибо, читатель, что отправился со мной в это путешествие. Надеюсь, ты тоже найдешь в нем что-то свое. Что-то, что поможет тебе собирать свою мозаику.

В конце концов, мы все — осколки. И только от нас зависит, как мы сложим их вместе.

С любовью и уважением, Ваш автор

Глава 1. Пятнадцатое августа

Дым стоял коромыслом. Так всегда бывало, когда все четверо паяли одновременно. Четыре паяльника — четыре клуба канифольного дыма, который медленно перетекал от стола к столу, смешивался и поднимался к высокому потолку комнатухи, где оседал на трубах отопления, на оконных рамах, на лицах.

Сашка макнул жало паяльника в янтарную канифоль — та зашипела, выбросила белое облачко — и быстрым движением приложил его к скрутке медных проводов. Капля олова обволокла их в секунду, превратив в единый блестящий монолит. Он дунул, чтобы олово схватилось, и откинулся на стуле.

В комнате было тесно. Четыре стола, четыре стула, шкаф с чертежами, вешалка с робами, старый диван в углу, заваленный радиодетальями. Лето за окном еще держалось, но в мастерской всегда было душно от паяльников и работающих приборов. Сашка вытер пот со лба тыльной стороной ладони и оглядел своих.

Напротив сидел Славка — кудрявый, вечно улыбающийся, даже когда работа не клеилась. Сейчас он ковырялся в реле времени, ругаясь сквозь зубы.

— Проводку перепутал, что ли... — бормотал Славка. — Опять не работает.

— Схему смотри, — лениво отозвался Женька, сидевший слева. Женька был спортсменом, подтянутым, молчаливым, с вечно сосредоточенным лицом. Он паял как автомат — точно, быстро, без лишних движений.

У двери, спиной к остальным, сидел Вовка. Комсорг. Вожак. Человек, который всегда знал, что нужно сказать и когда это сказать. Сейчас он монтировал что-то для пускателя, но периодически оборачивался и поглядывал на дверь. Ждал кого-то. Или готовился к чему-то.

Сашка снова окунул паяльник в канифоль. Второй раз за час. Схема, которую он паял, была простой — стандартный узел для станка с программным управлением. Руки работали сами, а голова была свободна. Он смотрел в окно. Там, за запыленным стеклом, виднелась часть заводской территории: дорога, кусты сирени, забор. И небо — августовское, яркое, уже чуть тронутое первой осенней желтизной.

Хорошее небо. Сашка вздохнул и вдруг почувствовал, как его распирает от счастья. Простого, бытового, почти дурацкого. Он сидит здесь, паяет, дышит канифольным дымом, рядом друзья, и это — его жизнь. Своя. После армии — своя. Не расписанная по уставу, не ограниченная командами "вольно" и "отбой". Можно встать, выйти покурить, зайти в буфет, поговорить о чем угодно.

Он только что пришел — весной вернулся из Венгрии. Отслужил. Дембель. Теперь вот работает электриком в СКТБ. На заводе. Родной город, родной завод, знакомые лица. Хорошо.

Дверь распахнулась, и в комнату влетел Вовка — тот самый, у двери. Он был взбудоражен, щеки горели, в руках — потрепанная папка.

— Ребята! — объявил он громко. — Есть новость.

Славка поднял голову. Женька не оторвался от паяльника. Сашка улыбнулся — Вовка всегда входил так, будто принес ключ от города.

— Наша комсомольская организация будет шефствовать над десятым классом соседней школы, — произнес Вовка, глядя на Сашку. — И поручение мы даем тебе, Александр.

— Мне? — Сашка отложил паяльник. — Шефствовать? Над школой?

— А что, не справишься? — Вовка подошел и положил папку на его стол. — Актив у нас есть. Инженеры, конструкторы, рабочие. Организуй мероприятие. Познакомиться надо, рассказать о заводе, о профессиях. Соревнования можно, волейбол там, на лыжах свозить на стадион.

Он говорил быстро, как по писаному. Сашка смотрел в папку. Там лежал листок с заголовком: "План мероприятий по шефской работе на новый учебный год". И пункты:

1. Собрание комсомольцев по теме "Ленин и современная молодежь".
2. Собрание "Твоя будущая профессия".
3. Выезд в театр юного зрителя и обсуждение спектакля.
4. Идеологическая борьба.
5. Эстетика поведения.
6. Литературный вечер.
7. Искусство в моей жизни.

И внизу, отдельно, каллиграфическим почерком — "Вопросы для диспута".

Сашка почувствовал, как у него дернулся угол рта. "Идеологическая борьба", ну конечно. Он взял ручку и начал читать дальше:

Какой ты вкладываешь смысл в понятие "специалист"? Что для тебя важнее — "Кем быть" или "Каким быть"? Правильно ли деление профессий на мужские и женские?

— Ты чего? — спросил Вовка, заметив его усмешку.

— Ничего, — Сашка поднял глаза. — Думаю, как все это организовать. Ребятам надо учить думать, самостоятельно мыслить. Может, диспут проведем по этим вопросам?

Он сказал это вслух, но внутри уже иронизировал над собой. "Какой ты вкладываешь смысл в понятие специалист" — да он сам еще не вложил. Он только начал жить. Только начал понимать, что такое вообще жизнь, работа, любовь. А его уже просят учить других.

— Правильно, — Вовка одобрительно кивнул. — Молодец, Саша. Я знал, что на тебя можно положиться.

Он хлопнул Сашку по плечу и отошел к своему столу. Сашка снова окунул паяльник в канифоль. Дым поплыл к Славке.

— А что за концерт? — спросил Славка, вытирая руки о ветошь. — Ты там записывал кого-то.

Сашка посмотрел на чистый лист, лежащий сбоку. На нем уже были аккуратно выписаны имена. Те, кто записался на концерт "Добры молодцы". Он начал читать вслух:

— Вовка, Витька, Борька, копировщица Ухова, Славка, инженеры - Пушкаревская, Фоминский, Иванов, Булыгина, Олег, Белоусова, Голубев и другие.

— Всех-то не упомнишь, — усмехнулся Славка. — Ты, главное, билеты не забудь взять.

— Вовка сказал — комсомол оплатит, — пожал плечами Сашка. — Я только организатор.

Он снова посмотрел на листок с планом. Теперь внизу была его запись — та, что он только что сделал. "Поручили собрать желающих пойти на концерт. Уже у меня записались..." И список имен, за которыми стояли живые люди. Его люди. Его ребята.

В комнате снова стало тихо. Только шипели паяльники да гудел кондиционер на окне. Женька закончил свою схему и потянулся, хрустнув позвоночником. Славка крутил в руках какой-то конденсатор, рассматривая его на свет.

— А ты, Саш, серьезно к этому относишься? — спросил вдруг Славка, кивая на папку. — Ну, к школе, к этому?

— А как относиться? — Сашка удивился вопросу. — Работа есть работа. Поручили — делаю. Тем более, ребята хорошие. Может, кому-то пригодится.

— Я о другом, — Славка понизил голос. — Ты же понимаешь, что это всё — показуха. Собрания, диспуты, идеологическая борьба. Кому это надо? Десятиклассникам?

— А ты что предлагаешь? — вступился вдруг Вовка, услышавший последние слова. — Может, вообще ничего не делать? Пусть предоставлены сами себе? А потом — хулиганство, пьянство, безнадзорность. За них отвечаем мы, комсомол. И нечего тут...

— Да я не против, — поднял руки Славка. — Я просто говорю — формализма много. Ты сам посмотри: "Ленин и современная молодежь". Да какую молодежь? Мы — молодежь. Скажи, Сашка, ты о Ленине думаешь, когда паяешь? Или о чем другом?

Сашка хмыкнул. Он посмотрел на свой паяльник, на канифоль, на провода. Подумал о Гальке, которую встретил на прошлой неделе. О том, что завтра надо сходить к ней на работу, встретить. О том, как хорошо было вчера на речке. И только потом — о Ленине.

— Ты прав, — сказал он тихо. — О другом.

— Вот видишь, — Славка торжествующе посмотрел на Вовку. — А мы их учим. Неучи.

Вовка скривился. Он явно хотел что-то возразить, но сдержался. Вместо этого он взял свой паяльник и повернулся к своему столу.

— Делайте, что хотите, — бросил он через плечо. — Но план я сдал. И если кто-то не выполнит — с него спрос. С меня спрос. Так что, Александр, — он посмотрел на Сашку, — от тебя зависит, кто на что подпишется.

Сашка молча кивнул. Вовка был прав — формально он прав. Но внутри Сашка чувствовал, что Славка прав тоже. Они — живые люди. Они не могут только "Ленин и современная молодежь". У них есть любовь, работа, сны. И это — тоже жизнь.

Он снова окунул паяльник в канифоль. Дым поплыл к потолку.

— Слушай, Вовка, — сказал он, не оборачиваясь, — а ты сам веришь во все это? В идеологическую борьбу? В ленинские заветы?

Тишина повисла в комнате. Слышно было, как за окном проехал грузовик, как Славка закашлялся от дыма. Вовка медленно повернулся.

— Верю, — сказал он твердо. — Иначе зачем я здесь? Зачем комсомол? Мы — строители новой жизни. Если сами не верим — кто поверит?

Он сказал это так, что Сашка на мгновение поверил ему. В самом деле — Вовка говорил не заученно, не по-директивному. Он говорил искренне. И в этом была его сила. И его слабость.

Сашка посмотрел на Славку. Тот пожал плечами — мол, каждый верит во что хочет.

— Ладно, — сказал Сашка, — я составлю план. Сделаем.

Он взял ручку и начал писать на листе: "1. Собрание-знакомство. 2. Спортивные соревнования. 3. Экскурсия на завод. 4. Встреча с ветеранами..." Он писал, а сам думал о другом. О том, как хорошо жить. О том, что август еще не кончился. О том, что впереди — суббота, встреча с Галькой, танцы, река. И о том, что он, Сашка, сидит здесь, паяет, дышит канифолью, пишет планы и чувствует себя почти взрослым. Почти серьезным.

Почти. Но не совсем.

За окном закатное солнце било прямо в стекло, подсвечивая дым, и Сашка на мгновение зажмурился. Хорошо. Как хорошо жить.

— Саш, — позвал Славка, — дай паяльник, у меня перегрелся.

— На, — Сашка протянул инструмент. — Только канифоли не желей.

Они снова работали. Снова паяли. Снова дымили. А за окном стояло пятнадцатое августа — день, когда началось все, что потом будет длиться долгие месяцы. Дни, ночи, встречи, разлуки, сны, смех и тоска. Жизнь.

Глава 2. Кировский цирк и Витькины глаза

Ноябрь наступил внезапно, как всегда. Еще вчера было сыро и серо, а сегодня утром Сашка выглянул в окно и увидел снег. Первый снег. Он падал крупными хлопьями, ложился на еще не замерзшую землю, таял, снова падал, и к вечеру улицы побелели.

Сашка стоял у окна в своей комнате и смотрел, как за стеклом кружится этот новый, чистый снег. Мать уже ушла на работу, отчим — тоже. В квартире было тихо, только тикали часы на стене. Сашка вздохнул, посмотрел на блокнот, лежащий на столе, и взял его в руки.

Сегодня он должен был ехать в Киров. Интервью. Первое в жизни.

Две недели назад на занятии школы рабкоров Валерий Леонидович подошел к нему и сказал коротко:

— Есть задание от редакции. Кировский цирк. Директор согласился на встречу. Подготовьте материал для газеты.

Сашка тогда кивнул — будто каждый день берет интервью у директоров цирков. А потом всю ночь не спал. Он готовился. Составил вопросы, перечитал их раз десять, выучил почти наизусть. Теперь, стоя у окна и глядя на снег, он снова мысленно прокручивал список.

Узнать, как зовут руководителя. Как давно работает цирк в Кирове. Вы давно в цирке? Какие самые интересные номера в программе? Как приезжие артисты оценивают кировского зрителя? У вас большая труппа? Как она образовалась?

Он закрыл блокнот, сунул его в карман пальто и вышел на улицу.

Снег падал на лицо, холодный, колющий, но приятный. Сашка зажмурился на секунду, а когда открыл глаза — вокруг все было белым. Деревья, крыши, дорога, заборы. Снег лежал даже на проводах, и они казались белыми нитками, натянутыми между столбами.

Он сел на автобус до Кирова. Ехал полчаса, смотрел в окно на проплывающие дома, магазины, людей в пальто и шапках. Думал о том, как все меняется. Еще летом он паял в душной мастерской, дышал канифолью, смеялся со Славкой и Женькой. А теперь — интервью. Газета. Серьезное дело.

Автобус остановился у цирка. Сашка вышел, посмотрел на здание — круглое, похожее на огромный шатер, с вывеской "Кировский государственный цирк". Сердце забило быстрее.

Он прошел через служебный вход, показал удостоверение рабкора вахтерше. Та кивнула и показала, куда идти. Кабинет директора был на втором этаже, дверь с табличкой.

Сашка постучал. Вошел. Женщина за столом — директор, как он понял — подняла голову и с тревогой посмотрела на него.

— Вы не больны? — спросила она. — Может, скорую помощь вызвать?

Сашка опешил. Он стоял, сжимая блокнот в руках, и чувствовал, как краснеет. Он забыл представиться. Он забыл сказать, кто он и зачем пришел.

— Что вы, что вы, — забормотал он, стараясь улыбнуться. — Это я только что из кино... то есть... я из редакции. Рабкор. "Кировская правда". Мне нужно интервью.

Он протянул удостоверение и понял, что руки дрожат. Директор — Мария Александровна, как он вспомнил из записки Валерия Леонидовича — с облегчением вздохнула.

— А я думала, опять с вентиляцией проблемы, — сказала она. — Садитесь, молодой человек. Водички хотите?

Сашка кивнул. Он сел на стул, положил блокнот на колени, взял стакан с водой, который она ему протянула, и сделал глоток. Вода была теплая, чуть сладкая. Он поставил стакан на стол, взял ручку и открыл блокнот.

— Мария Александровна, — начал он, стараясь, чтобы голос звучал уверенно, — как идут дела у вашего кинотеатра?

Он осекся. Кинотеатра? Он перепутал. Он готовился к цирку, а спросил про кинотеатр. Мария Александровна удивленно подняла брови.

— Кинотеатра? — переспросила она. — Молодой человек, вы в цирке. Мы показываем представления, а не фильмы.

— Извините, — Сашка почувствовал, как земля уходит из-под ног. — Я хотел сказать... цирка. Как идут дела у вашего цирка?

— Отлично, — улыбнулась Мария Александровна. — Мы каждый месяц перевыполняем план. У нас самая высокая в городе посещаемость.

— Как вам удалось этого добиться? — Сашка изо всех сил пытался не смотреть на свои записи, которые он приготовил.

— Во-первых, мы значительно улучшили обслуживание зрителей. У нас работает буфет, в верхнем фойе можно послушать музыку. Мы часто вывешиваем новые стенды об артистах цирка. У нас есть Доска Почета лучших работников Октябрьского района. Интересный подбор номеров. Все это привлекает новых зрителей.

— На сколько увеличилось число мест?

— На сто пятьдесят. Это немного. Но мы заменили старые деревянные кресла на новые, современные. Пластмассовые, легкие, миниатюрные.

Сашка записывал быстро, почти стенографически — навык, полученный в армии, пригодился. Он уже успокоился. Рука перестала дрожать. Голос стал тверже. Он задал все вопросы, которые запланировал: про труппу, про артистов, про кировского зрителя. Мария Александровна говорила охотно, с удовольствием.

— А как вам наши артисты? — спросила она под конец. — Вы смотрели представление?

— Я приехал только что, — признался Сашка. — Но обязательно посмотрю.

Он закрыл блокнот, поблагодарил директора и вышел. В коридоре он остановился, прислонился к стене и выдохнул. Получилось. Он справился. Первое интервью — и он справился.

Снег все падал, когда он вышел из цирка. Сашка поднял голову, подставил лицо мокрому хлопьям и улыбнулся. Он чувствовал себя взрослым. Настоящим журналистом. Он пошел к остановке, чувствуя, как в груди распирает от гордости.

Вечером он поехал в свой город. Снег уже перестал, но на улицах лежал свежий белый покров, и город казался чистым, новым, почти сказочным. Сашка вышел из автобуса у переезда и пошел к дому. Оттуда — к клубу "Труд", где сегодня были танцы.

На подходе к клубу он увидел Славку, Витьку и Борьку. Они стояли у фонаря, курили, смеялись. Славка что-то рассказывал, размахивая руками, Борька слушал с серьезным лицом, а Витька хохотал, запрокинув голову.

— Сашка! — закричал Славка, заметив его. — Иди сюда! Мы уже думали, ты потерялся.

— Был в Кирове, — Сашка подошел, пожал руки всем по очереди. — Интервью брал. Для газеты.

— Серьезно? — Витька уважительно присвистнул. — И у кого?

— У директора цирка.

— Ну ты даешь, — Витька хлопнул его по плечу. — А мы тут без тебя скучали. Борька вчера в волейбол с пятым цехом играл. Проиграли, конечно. Как обычно.

— Не проиграли, а выиграли, — поправил Борька. — Два сета взяли.

— Ну, один из них по ошибке, — усмехнулся Витька. — Мы сегодня реванш брать собираемся.

Сашка посмотрел на этих двоих и улыбнулся. Витька и Борька были братьями-двойняшками, но совершенно разными. Витька — черноволосый, быстрый, говорливый, вечно придумывающий что-то. Борька — светловолосый, спокойный, молчаливый, но с хитрым прищуром

в глазах. Они родились с разницей в пять минут, но казалось, что между ними — целая вечность.

— А девчонки где? — спросил Сашка, оглядываясь.

— Внутри уже, — махнул Славка. — Нинка с Галинкой еще утром прибежали, места заняли. Ты не поверишь, какой сегодня народ будет. Из поселка даже приехали. И Серега вернулся.

— Серега? — Сашка обрадовался. — С армии? Он же в ЮГВ служил, как я.

— Да, в Венгрии, — кивнул Славка. — Приехал на днях. Сегодня будет на танцах. Надо его найти, познакомить со всеми. Он же никого не знает здесь, кроме вас.

— Это надо сделать, — согласился Сашка. — У меня еще друзья по армии есть. Санька Задорин, Колька Сураев. Тоже в Венгрии служили. Надо всех собрать.

Он представил, как здорово будет собраться всем вместе. Он, Серега, Санька, Колька. И новые друзья — Витька, Борька, Славка. Весь вечер — разговоры, воспоминания, смех. Сашка вдруг почувствовал, как его переполняет радость. Простая, человеческая радость.

Они пошли к клубу. Снег хрустел под ногами. Сашка шел и смотрел по сторонам. Фонари горели желтым светом, отражаясь в снегу. Деревья стояли в белых шапках, и ветки казались пушистыми. Из клуба доносилась музыка — играл ансамбль, и через стены было слышно, как пляшут.

— Хорошая погода, — сказал Сашка. — И компания хорошая.

— А ты только заметил? — усмехнулся Славка. — Мы уже час тут стоим, ждем тебя, а ты — "хорошая погода".

— А я рад, — сказал Сашка, глядя на снег, на друзей, на огни клуба. — Я так рад, что мы вместе. Что есть вы. Что мы здесь.

Витька странно посмотрел на него, но ничего не сказал. Просто хлопнул по плечу и подтолкнул к двери.

— Иди, иди, философ. Там девчонки заждались. И Серега уже внутри, наверно.

Они вошли в клуб. Тепло, гул голосов, музыка, запах духов и сигарет. Сашка зажмурился на секунду, впуская в себя этот мир. Друзья, танцы, смех. Новый снег за окном. И жизнь, настоящая, живая.

Он пошел к сцене, где уже танцевали знакомые лица. Славка сказал, что Серега приехал — и Сашка знал, что вечер будет долгим. И что Серега приехал не один. Что завтра он позовет Саньку и Кольку. И все они снова будут вместе.

И жизнь казалась бесконечной. И счастье — таким простым.

Он улыбнулся, подмигнул Славке и шагнул в толпу.

За окном клуба падал снег. Белый, чистый, новый. И казалось, что вся жизнь — впереди. И что все, абсолютно все — возможно.

Через несколько дней Сашка сидел в своей комнате, перечитывал записанное интервью и думал о Сереге, о Витьке, о том, как хорошо было вчера. Он взял чистый лист и написал сверху: "Вечер. Снег. Друзья. Счастливый человек".

И почувствовал, что это — не для газеты. Это — для себя.

Глава 3. Три взгляда

Середина ноября выдалась на редкость ясной. Снег, выпавший неделю назад, уже утоптался, превратившись в твердый наст, и теперь по утрам солнце било в окна так ярко, что приходилось щуриться. Воздух стал прозрачным, звенящим, и даже заводские трубы на горизонте казались вырезанными из черной бумаги.

Сашка любил такие дни. Когда холодно, но не ветрено, когда небо — высокое и синее, как в детстве, когда кажется, что весь мир замер и ждет чего-то. Он вышел из дома в половине одиннадцатого, нацепил свою вельветовую жилетку поверх свитера, сунул в карман блокнот и отправился на остановку.

В Киров он сегодня ехал не по заданию редакции. Сам. На выставку картин кировских художников в выставочном зале на улице Ленина.

Он ничего не знал об этих художниках. Не читал рецензий, не смотрел каталогов. Просто увидел объявление в газете и решил сходить. Ему хотелось узнать, как видят этот мир другие люди — те, кто умеет писать не словами, а красками.

Выставочный зал помещался в старом двухэтажном особняке с высокими окнами и лепниной на фасаде. Внутри было прохладно, пахло олифой и свежеевыкрашенными стенами. Сашка сдал пальто в гардероб и вошел в первый зал.

Картин было много. Пейзажи, портреты, натюрморты. Художники из Кирова и области — те, кого он никогда не слышал, чьи имена не гремели в столичных журналах. Сашка проходил мимо них, иногда останавливаясь, рассматривая мазки, цвета, композицию. Что-то нравилось, что-то нет. Но в целом, он чувствовал — чего-то не хватает. Чего-то, что зацепило бы по-настоящему.

Он перешел во второй зал.

Там было светлее — большие окна выходили на юг, и солнце лилось прямо на картины. Сашка остановился у дальней стены, где висело несколько портретов, написанных в свободной, почти эскизной манере. И тут он увидел ее.

"Групповой портрет" — так называлась картина. Подпись внизу: И. Широкова.

Сашка замер. Он стоял и смотрел на три фигуры, изображенные на холсте, и чувствовал, как внутри что-то щелкает, как будто он нашел ключ к запертой двери.

На старом продавленном диване сидел человек. Старый, седой, с усталым лицом. Он полулежал, выставив колено, и в руке его дымилась папироса. Глаза — прищуренные, внимательные. Он смотрел на зрителя с долгой, спокойной мудростью, которая не требует слов. Этот взгляд знал все. Он видел войну, голод, смерть, любовь, предательство — и принял их. Просто принял, как данность.

Чуть впереди, ближе к зрителю, сидел мальчик-подросток. Лет тринадцать. Большие синие глаза, чистая кожа, спокойное лицо. Он смотрел на зрителя с легким равнодушием — будто говорил: "Я еще не знаю, что такое жизнь, но я уже догадываюсь, что в ней есть что-то неправильное". Не было в нем ни злобы, ни тревоги. Было только детское всезнание, которое бывает у детей, которые слишком рано поняли, что мир несовершенен.

А рядом, в ногах у старика, сидел третий. Юноша. Лет восемнадцать-двадцать. Угловатый, ширококостный. Лицо мрачное, настороженное. Глаза — такие же синие, как у мальчика, но в них уже не было спокойствия. В них была подозрительность, недоверие, почти враждебность. Он смотрел на зрителя исподлобья, с вызовом. В руках его была книга — он держал ее, как оружие, как щит. Но по выражению его лица было видно — книга ему неинтересна. Или он не понимает ее. Или она ему не нужна.

Три персонажа. Три характера. Три взгляда на жизнь.

Сашка стоял перед картиной и чувствовал, как мурашки бегут по спине. Он знал этих людей. Он видел их каждый день. Старик — его дед, который пережил войну и никогда не жаловался. Мальчик — соседский пацан, который смотрел на мир с безмятежной уверенностью, что все будет хорошо. А юноша... юноша был он сам.

Сашка вдруг понял это с удивительной ясностью. Юноша с книгой в руках, который смотрит на мир с недоверием, который держит знания как защиту, но при этом не понимает, зачем они ему. Который ищет ответы, но не знает вопросов.

Он приблизился к картине, чтобы рассмотреть детали. Художница написала юношу с поразительной точностью — угловатые плечи, сжатые губы, напряженные пальцы, сжимающие книгу. В его позе было что-то от защищающегося человека — будто он ждал удара. И в то же время — вызов. "Я здесь. Я не сдаюсь. Но я не знаю, куда идти".

Сашка перевел взгляд на старика. Тот уже не казался уставшим. Он казался спокойным. "Ты пройдешь через это, — говорил его взгляд. — Ты выдержишь. Но сначала тебе придется многому научиться".

Мальчик смотрел сквозь все это, как сквозь стекло. Он еще не знал, что будет. И эта невинность была одновременно утешительной и пугающей.

— Нравится? — услышал Сашка голос сбоку.

Он повернулся. Рядом стоял мужчина в очках, с седой бородкой. Художник, наверное, или просто посетитель.

— Не знаю, — честно ответил Сашка. — Я смотрю и не могу понять, нравится или нет. Но она зацепила.

— Это хорошая работа, — кивнул мужчина. — Широкова — она вообще редко ошибается. Пишет так, как видит. Без прикрас.

— А что она хотела сказать? — спросил Сашка. — Три поколения?

— Три взгляда, — поправил мужчина. — Детство, молодость, старость. Но дело не в возрасте. Дело в том, как человек смотрит на мир. Один смотрит с надеждой, второй — с вызовом, третий — с принятием.

— А как правильно? — спросил Сашка.

Мужчина улыбнулся:

— Правильно — по-своему. У каждого свой путь. Но у всех он ведет к одному.

Он кивнул на старика.

— К принятию.

Сашка долго смотрел на картину. Он думал о себе, о своей жизни, о том, что он еще не выбрал, как ему смотреть на мир. Иногда ему казалось, что он — мальчик. Наивный, чистый, еще не знающий всей грязи. Иногда — юноша. Угловатый, злой, с книгой в руках, которая не дает ответов. Но ему хотелось быть стариком. Спокойным. Мудрым. Принимающим.

Он отошел от картины и прошел по залу еще раз. Другие работы не трогали его так сильно. Он остановился у выхода, посмотрел на часы. Было около часа дня. Солнце уже ушло из зала, и помещение стало прохладным.

На выходе он снова взглянул на "Групповой портрет". Сказал себе: "Я еще вернусь сюда. Когда пойму, что мне надо".

Он оделся, вышел на улицу. Снег уже не блестел так ярко, небо затянулось легкой дымкой. Сашка пошел к автобусной остановке, сунув руки в карманы.

В автобусе он достал блокнот и записал:

"Три взгляда. Один — детство. Второй — молодость. Третий — старость. Я сейчас — между вторым и третьим. Еще не принял, но уже не бунтую. Что будет дальше?"

Он закрыл блокнот и посмотрел в окно. За стеклом проплывали знакомые улицы, дома, люди. Обычный ноябрьский день. Но Сашка чувствовал, что что-то изменилось. Что-то щелкнуло внутри, как пазл, вставший на место.

Когда он вернулся в свой городок, уже вечерело. Снег потемнел, стал синим в сумерках. Он шел по улице и думал о юноше с книгой. О том, что он тоже часто смотрит на мир с вызовом — потому что боится. Боится, что не поймут. Боится, что не примут. Боится быть наивным, как мальчик. И не быть мудрым, как старик.

Дома он снова открыл блокнот и написал:

"Мне нужно найти свой взгляд. Не детский. Не бунтарский. Свой. Который будет правдой. Даже если она некрасивая".

Он закрыл блокнот, посмотрел на темное окно, за которым кружились редкие снежинки, и понял, что этот поиск только начинается.

Вечером он снова сидел в своей комнате, перелистывая блокнот. На третьей странице было написано: "8 ноября. Выставка. Широкова. Групповой портрет". Он еще раз прочитал свою запись, затем перевернул страницу и начал писать новую:

"Я хочу быть писателем. Писатель должен видеть жизнь не как она есть, а как она чувствуется. Он должен уметь смотреть — как старик. Принимать — как старик. Но при этом не терять способности удивляться — как мальчик. Я не хочу быть юношей с книгой, который ничего не понимает. Я хочу быть тем, кто понимает все".

Он положил ручку, откинулся на спинку стула и посмотрел на тени, пляшущие на потолке от уличного фонаря. В голове крутилась одна мысль: "Найти свой взгляд. И не потерять его".

Где-то за стеной заиграло радио — кто-то включил "Время". Голос диктора сообщал новости: успехи промышленности, завершение пятилетки, трудовые рекорды. Сашка слушал и думал о том, что эти новости — тоже часть жизни. Но его жизнь — это не только успехи и рекорды. Это еще и тихий вечер, и снег за окном, и картина на стене, и юноша с книгой, который так похож на него.

Он взял блокнот и на последней странице написал:

"В человеке все прекрасно. Даже его сомнения. Даже его бунт. Даже его страх. Главное — чтобы это было честно".

И добавил:

"До встречи, старик. Я еще не готов стать тобой, но я уже иду к тебе".

За окном падал снег. Тихий, спокойный, ничего не требующий. Просто падал. И в этом тоже была красота.

Глава 4. Утро в поселке и Лановой

Декабрьское утро в поселке соседнего района было холодным и хрустальным. За окном — в деревенском доме отчима мороз разрисовал стекла причудливыми узорами, и сквозь них солнце пробивалось мутными, размытыми пятнами. В комнате пахло старыми половицами, нафталином и чем-то сладким — то ли прошлогодним вареньем, то ли сушеными травами, развешенными на печке.

Сашка открыл глаза и долго не мог понять, где он. Потолок низкий, деревянный, с трещинами. Рядом — шкаф с потрескавшейся дверцей. Слышно, как за стеной кто-то кашляет — отчим, наверное, уже встал.

Сон еще висел в голове, как туман. Сашка лежал и пытался его удержать. Что-то было в нем — теплое, хорошее. Ночь. Он с девчонкой. Где-то сидят. Или стоят. И целуются. Просто. Красиво. Спокойно. Она опустила руку зачем-то. Потом достала, посмотрела на ладошку и хихикнула. Хулиганка.

Сашка усмехнулся своим мыслям. Ну и сон. Приснится же такое — ладошки девичьи. Ужас что снится.

Он повернулся на бок, посмотрел на дверь. За ней было тихо. Раннее утро, все еще спят. Он зевнул, прислушался к звукам. Где-то за окном лаяла собака, постукивали по мерзлой земле чьи-то шаги. Из-за стены тянуло теплым — там, в кухне, горела печь.

Он решил встать. Поднялся, натянул брюки, вышел в коридор. Было холодно — в доме еще не протопили. Он прошел на кухню, где горел керосин, заварил чай. Сделал глоток горячего, обжигающего, смотрел в окно — там, на снегу, было солнечно и бело.

Согревшись, Сашка вернулся в комнату, нырнул под одеяло. Та девчонка из сна уже не приснилась. Он поворочался, устроился поудобнее и провалился в сон — без снов, просто отдых.

Проснулся он около десяти. Солнце уже поднялось высоко, и в комнате было светлее. За стеной слышались голоса — отчим и мама уже встали, что-то гремели на кухне. Сашка умылся холодной водой, оделся, зашел попрощаться.

— Ты куда, Сашка? — спросила мама, вытирая руки о передник. — Оставался бы. Пирогов напеку.

— Не могу, — улыбнулся Сашка. — В город надо. Сегодня с парнями на встречу с актером идем. Лановой приезжает. А вечером дежурство в клубе.

— Ну смотри, — вздохнула она. — Береги себя.

Он поцеловал ее в щеку, пожал отчиму руку и вышел на улицу. Мороз был крепким, градусов под двадцать. Снег поскрипывал под ногами, воздух казался стеклянным. Сашка шел к автобусной остановке, щурился от солнца и чувствовал себя почти счастливым.

В Кирове они встретились у Дома культуры. Нас собралось много — человек сто, не меньше. Все толпились в фойе, ждали, когда откроют дверь в большой зал. Сашка стоял со Славкой и Витькой, курил, поглядывал по сторонам.

— Слышали, Лановой сегодня про съемки рассказывает, — говорил Витька. — Говорят, смешно рассказывает. Живой такой.

— А ты его фильмы смотрел? — спросил Славка.

— Конечно. "Офицеры" — круто. "Алые паруса" тоже. Он там красивый был, молодой.

— А сейчас старый, — усмехнулся Славка.

— Двадцать лет прошло! — возразил Витька. — Конечно, не такой, как раньше. Но все равно — Лановой!

Сашка слушал и улыбался. Они стояли в толпе, ждали, и было в этом ожидании что-то праздничное. Как будто они не на встречу с актером шли, а на концерт или на премьеру.

Наконец дверь открыли. Все двинулись в зал, забились в кресла, расселись. Сашка оказался на третьем ряду, рядом с какими-то девчонками из училища. Они громко переговаривались, поправляли прически, то и дело поглядывали на сцену.

Лановой вышел через пять минут. Он был в строгом костюме, при галстукке. Седина уже проступила на висках, но глаза остались молодыми — живыми, яркими. Он улыбнулся, поздоровался, и зал взорвался аплодисментами.

— Начнем, пожалуй, с того, что я вам расскажу, — сказал он, садясь на стул. — Как я снимался в первом фильме. Мне тогда было двадцать лет, я только окончил Щукинское училище, и меня взяли на роль в "Сержанте". И я думал, что все знаю. Все!

Лановой улыбнулся, глядя в зал.

— И вот мы снимаем сцену. Я иду по улице, за мной едет оператор на тележке. А я несусь, как конь, потому что мне кажется, что так и надо — быстро, уверенно, по-геройски. И тут режиссер кричит: "Стоп! Ты что, на пожар собрался?" И я стою, краснею, а он говорит: "Ты просто иди. Ты не герой. Ты просто человек. А герой — это когда надо". Я не понял тогда. Думал, он меня ругает. А через год понял — он учил меня правде. Неигровой, настоящей правде.

Сашка слушал, затаив дыхание. Лановой рассказывал легко, с юмором, иногда смеялся сам. Истории сыпались одна за другой: как он играл сцену с собакой, которая не хотела бежать за ним; как на съемках "Войны и мира" чуть не замерз в плаще; как случайно разбил реквизитную вазу и потом полдня ее склеивал.

— А на "Войне и мире" было самое смешное, — говорил Лановой, улыбаясь. — Я играл Вронского. И у меня там была сцена с Анной — она сидит в кресле, вся такая красивая, и я подхожу к ней, говорю что-то... И тут, в самый ответственный момент, я споткнулся о ковер и упал прямо перед ней. На колени. Она сначала испугалась, думала, я сознание потерял. А потом мы оба смеялись полчаса. Еле отсняли.

В зале смеялись. Сашка тоже. Он смотрел на Ланового и думал: "Вот это жизнь. Вот это работа". Актер — это же не только слова, это еще и люди вокруг, и случайности, и смех, и импровизация. Ему вдруг захотелось быть на его месте. Рассказывать, смешить, удивлять.

Когда встреча закончилась, Сашка подошел к столу, где раздавали автографы. Он не просил ничего — просто стоял и смотрел. Лановой улыбнулся ему.

— Молодой человек, тоже хотите в артисты?

Сашка растерялся. Он не знал, что ответить. Только кивнул.

— Тогда вперед! — сказал Лановой. — И не бойтесь ошибаться. Ошибки — это тоже жизнь.

Домой Сашка ехал и думал о том, что надо попробовать. В автобусе он достал блокнот и записал номер телефона, который нашел в старой "Кировской правде": "Кировский областной театр кукол. Набор в молодежный артсостав". Он решил, что подаст документы. Через две недели собеседование. Нужно подготовить стихотворение, басню, прозу и песню.

"Если не сейчас, — думал он, — то когда?"

Вечером они собрались у клуба "Труд". Дежурство. Вовка записал их всех в комсомольский оперативный отряд — следить за порядком. Сегодня по графику — Сашка, Славка, Витька, Юрка. Сашка пришел в своей вельветовой жилетке с бахромой — модной, длинной, на полруки. На танцах это был фасон.

— Форма, — сказал он Славке, показывая на жилетку. — Теперь нас не обманут.

— Ты как хипарь выглядишь, — засмеялся Славка. — Только звезду на лоб налечи.

— Я художник, — отмахнулся Сашка. — Я так вижу.

Они зашли в клуб. Народу было мало. Ансамбль только разогревался на сцене. Сашка прошел в туалет, закурил с Юркой.

— Ну что, брат, — сказал Юрка, выдыхая дым. — Сегодня мы тут главные. Без нашего разрешения никто не пройдет. И не станцует.

— И не выпьет, — добавил Сашка.

— И не выпьет, — согласился Юрка.

Они вышли, распределили обязанности. Сашка с Юркой — в туалете. Витька — у буфета, чтоб ничего не стащили. Вовка со Славкой — на входе. И все это с чувством собственной значимости. Сашка ходил по залу, строго посматривал на всех, улыбался знакомым, здоровался.

— Привет, Аленка! — крикнул он девушке в синем платье. — Скучаешь?

— А ты? — засмеялась она.

— Я работаю, — важно сказал Сашка, хотя руки чесались пойти плясать.

В перерыве они вышли на улицу. Нашли укромное место за углом, достали бутылку, которую Славка принес с собой. Разлили по стаканчикам.

— Чокаемся? — спросил Славка.

— За дежурство! — объявил Витька.

— За то, чтобы никто не узнал, — добавил Сашка.

Они выпили. Из окна клуба выглянули девчонки, застучали по стеклу:

— Эй, парни! Оставьте нам!

— Еще чего! — крикнул Славка, пряча бутылку.

Они засмеялись, допили, закусили конфетами, которые Юрка принес, и вернулись в зал.

Музыка гремела. Плясали уже во всю. Сашка не выдержал — забыл про дежурство, про ответственность, про все на свете. Он вышел в центр зала, Славка подхватил его, и они задвигали. Шейк — дикий, размашистый, как у Джеймса Брауна на пластинке. Сашка изгибался так, что, казалось, позвоночник сейчас треснет.

К ним подошла Сталина Леонидовна, женщина из комитета, в этом зале вместо грозной директрисы, и положила руку на плечо.

— Молодой человек, — сказала она строго, но с улыбкой. — Вы слишком... изгибаетесь. У нас здесь клуб, а не бразильский карнавал.

Сашка выпрямился, покраснел, но смеялся. Славка тоже.

— Извините, — сказал он. — Мы просто стараемся.

Они перешли на твист, но уже спокойнее.

После танцев Сашка подошел к Алене Черных. Она стояла у стены, смотрела на него с улыбкой.

— Проводишь? — спросила она просто.

— Конечно, — ответил он, хотя в кармане было пусто и голова уже слегка кружилась.

Они вышли на улицу. Мороз уже не казался таким сильным — после выпитого в теле горело тепло. Они пошли через парк, молча. Снег хрустел под ногами, фонари светили жутковато-желтым светом.

— Холодно, — сказала Алена, кутаясь в пальто.

— Идем быстрее.

Они дошли до ее дома — старой двухэтажки с обшарпанным подъездом. Алена открыла дверь, вошла. Сашка за ней. В подъезде горела лампочка. Она нахмурилась, потом улыбнулась.

— Слушай, — сказала она. — Зайдешь? Родителей нет. Обещаю, всего на полчаса.

Он колебался. Голова уже шумела, в кармане была пусто, и ноги подкашивались. Но он кивнул.

Они зашли в квартиру. Маленькая, тесная прихожая, запах старого дерева. Алена скинула пальто, Сашка повесил свою жилетку.

— Проходи.

Они сели на диван в коридоре. Было темно, только свет из кухни проникал в щель. Алена подвинулась ближе.

— Ты знаешь, — сказала она тихо. — Я хотела тебя спросить...

Она замолчала. Сашка смотрел на ее профиль, освещенный слабым светом из кухни. Он чувствовал, как сердце бьется быстрее. В голове пульсировало от выпитого и от этой близости.

— Что? — спросил он.

Она повернулась к нему, взяла его руку в свою. Ее пальцы были холодными.

— Ты Витьку знаешь? — спросила она странно.

— Витьку?

— Он мне нравится, — сказала она просто. — Только он об этом не знает.

Сашка застыл. Он смотрел на нее, на ее глаза, на ее губы. Он чувствовал, как в груди разрастается пустота и облегчение одновременно. Пустота — потому что он думал о другом. Облегчение — потому что теперь было понятно, кто она.

— Ты не скажешь ему? — попросила она.

— Зачем? — сказал он. — Если он тебе нравится, сама скажи. Зачем меня в это путать?

— Ты прав, — она улыбнулась. — Извини. Просто я... боялась.

Сашка посмотрел на нее. Он понял, что не хочет ее целовать. Что он вообще хочет сейчас — просто лечь в кровать и отключиться. Или оказаться на речке, где тихо и ветер колышет траву.

— Ладно, — сказал он, вставая. — Мне пора. Утром на работу.

— Извини, — повторила она. — Я просто глупая.

— Нет, — сказал он мягко. — Ты не глупая. Ты просто тоже ищешь.

Он надел жилетку, вышел в подъезд. На улице было холодно, он глубоко вдохнул, посмотрел на небо. Звезды были яркими, как будто их кто-то специально зажег для него. И он улыбнулся — странной, неловкой улыбкой.

"Это все к лучшему", — подумал он.

И пошел домой. Голова гудела, но он знал, что утром все пройдет. И оставит только ощущение — легкое, как снег, как холодный воздух. И ночь, в которой он так и не поцеловал девушку, но которая оказалась важнее тысячи поцелуев.

Он уснул сразу, как коснулся подушки. Сон пришел черный, глубокий, без снов. И только утром он вспомнил, что ему завтра на собеседование в театр. И еще, что надо купить билеты в Киров. И еще, что Витька и Славка будут ждать его у клуба.

"Жизнь идет", — подумал он, открывая глаза.

Глава 5. Стихи и ревность

Январь встретил крепкими морозами. Снег лежал плотный, скрипучий, и по утрам, когда Сашка выходил из дома, он чувствовал, как воздух обжигает ноздри, а иней оседает на ресницах. Заводские трубы дымили густо и низко, сливаясь с серым небом. Вечерами становилось особенно тихо — ни ветра, ни звуков, только свет фонарей, разливающийся по снегу желтыми кругами.

Сашка сидел в своей комнате, за столом, и смотрел в окно. На улице ни души. Только редкий прохожий в черном пальто торопится куда-то, согнувшись от холода. Сашка провел пальцем по запотевшему стеклу, оставляя след, и повернулся к столу.

Перед ним лежал раскрытый блокнот. На чистой странице он уже написал несколько строк. Сашка взял ручку и продолжил:

Снова день всем чужой.

Равнодушно смотрю в глаза.

Снова я не с тобой.

Я один. Без тебя.

Он перечитал написанное и усмехнулся. Наивно. Слишком просто. Но иначе не получалось. Мысли путались, когда он думал о ней. О Гальке. О том, как она смеялась в прошлую пятницу, когда они встретились у кинотеатра. О том, как она взяла его под руку и сказала: "Ты какой-то странный сегодня". О том, что он не ответил, а просто улыбнулся и увел ее в зал.

Он отложил ручку и закрыл блокнот. Снова открыл. Взял другую ручку. Написал:

Вспоминая тебя,

Я стихи прошепчу.

Вспоминая тебя,

Свою песню спою.

Сашка знал, что это не стихи, так, рифмованные строчки. Но они шли изнутри, из того места, которое он сам не до конца понимал. Он не знал, любит ли он Гальку. Знал только, что она ему нужна. Что без нее вечера пустые. Что с ней — они становятся другими.

Он вдруг вспомнил, как стоял на танцах в "Труде" и смотрел, как она кружится с кем-то. Как подошел к ней в перерыве и спросил, не хочет ли она с ним пойти. А она засмеялась: "Ты же меня всегда ждешь, а я даже не знаю, почему". И ушла с другим. Сашка тогда ничего не сказал, только проводил ее взглядом и пошел к своим.

Он встал из-за стола, подошел к окну. На улице стояла тишина. Только ветер слегка шевелил сугробы. Где-то вдалеке, у переезда, прошел поезд — гудок разнесся над городом, протяжный и одинокий.

Сашка обернулся к столу и снова сел. Он взял другой лист, который лежал под блокнотом. На нем было записано:

"Даже в самых своих откровенных высказываниях я лгу, а он даже в самой явной своей лжи искренен".

Он не знал, о ком это. Может, о Вовке. Может, о Славке. Может, о самом себе. Он вглядывался в слова и думал: "Почему я не могу быть искренним до конца? Почему я боюсь сказать ей то, что у меня внутри?"

Он взял новую ручку и набросал еще несколько строк:

Почему не посмел?

Не узнать никому.

Почему не посмел?

Я и сам не пойму.

Ему вспомнился разговор с Валерием Леонидовичем на занятии школы рабкоров. Тот говорил о том, что в литературе важна честность. Что читатель чувствует фальшь. Что настоящий писатель — это тот, кто не боится говорить правду.

"Правду, — подумал Сашка. — Но где она, эта правда? Я сам не знаю, что я чувствую. То ли любовь, то ли привычка. То ли ревность, то ли просто одиночество."

В памяти всплыл другой вечер. Он стоял у дверей ее дома, ждал, когда она выйдет. Она задержалась, и он слышал, как она смеялась с кем-то внутри. Потом вышла, увидела его и улыbnулась. "Ты что, здесь уже час?" — спросила она. Он кивнул. Она не поверила.

Сашка взял новый лист и написал:

Я гитару возьму.

Я спою для друзей.

Грустно песню спою

О далекой, о ней.

Он смотрел на строки и понимал, что пишет о Гальке, о девушке, которая не читает книг. Которая не знает, кто такой Есенин. Которая смеется над его длинными волосами. Но которая ночью, когда он провожал ее домой, вдруг повернулась к нему и сказала: "Ты хороший". И ушла. А он стоял и смотрел, как светится окно в ее комнате.

Он вспомнил свое стихотворение о "не посмел" и подумал: "Почему я не могу сказать ей просто: "Я тебя люблю?" Почему мне легче написать это в блокноте, чем сказать в лицо?"

Сашка задумался. Он смотрел на свои стихи и видел, что они — неправда. Или правда, но не полная. Он не написал о ревности, о том, как он мучился, когда она уходила с другим. О том, как он сжимал кулаки, но молчал.

Он отодвинул блокнот и взял чистый лист. Написал:

"Я ищу способ сказать правду. Но я не знаю, где она начинается и где заканчивается. Если я скажу ей: "Я люблю тебя" — будет ли это правдой? Или я просто боюсь, что она уйдет, и мне будет больно?"

Он положил ручку и снова посмотрел в окно. Январская ночь была темной, звезды — редкими. Где-то за домами гудел мороз, сжимал стены, заставлял скрипеть рамы.

Сашка взял блокнот и перелистал до конца, где осталось чистое место. Он написал дату: "8 января". И затем — строки:

"А тучи моих чувств закрыли от тебя

Нежное мерцание моих звезд.

Поймешь ли ты меня?"

Он трижды повторил "Поймешь ли ты меня" и подчеркнул последнее.

Потом встал, закрыл блокнот и убрал его в ящик стола. На душе было странное спокойствие — будто он что-то сделал важное. Неважно, что Галька не прочитает этих строк. Важно, что он их написал. Что он сумел сказать самому себе хотя бы часть того, что чувствовал.

Когда Сашка вышел на кухню, мать уже хлопотала у плиты. Он взял чайник, налил кипятка, заварил чай. Мать обернулась:

— Ты чего такой грустный?

— Нормально, — ответил он.

— С девушкой поссорился?

Он вздохнул:

— Как бы поссорился. Мы вообще не ссорились. Просто я ничего не говорю ей, а она уходит. И все.

— Так скажи, — мать пожала плечами. — Что тут сложного? Любишь — скажи. Не любишь — не ходи.

— А если не знаешь?

Она посмотрела на него:

— Знаешь. Ты просто боишься. Или не хочешь брать ответственность. А это — разное.

Сашка допил чай и пошел в свою комнату. Он открыл ящик стола, вытащил блокнот, перечитал написанное за вечер. И вдруг понял, что мать права. Он не знал, хочет ли он любви или боится ее. Может, он просто не готов.

Он закрыл блокнот и написал на последней странице:

"Пойму ли я сам себя?"

За окном по-прежнему было тихо. Снег лежал ровным слоем, фонари светили, и ночь была спокойной. Сашка лег на диван, закрыл глаза. Он думал о Гальке, о своих стихах, о том, что впереди еще много времени, чтобы все выяснить.

Или чтобы разрушить все окончательно.

Ночью он проснулся от того, что кто-то ходил по коридору. Прислушался. Это был отчим — он что-то бормотал, шелкал выключателем. Сашка лежал, смотрел в темный потолок и слушал, как за стеной тихо переговариваются.

Потом все стихло.

Он повернулся на бок, накрылся одеялом и закрыл глаза. Сон не шел. Мысли текли одна за другой — о ней, о себе, о том, что он напишет завтра, когда проснется.

Он знал, что утром возьмет ручку и снова будет писать. Потому что это единственное, что он умеет делать, когда не может сказать вслух.

Глава 6. Волейбол и ожидание

Пятнадцатое января выдалось на удивление теплым. Мороз, державшийся всю первую декаду месяца, вдруг отступил, и снег стал влажным, липким. Небо затянуло низкими серыми облаками, и к вечеру, когда Сашка вышел из заводских ворот, начал накрапывать мелкий снежок — невесомый, почти незаметный, но назойливый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.